

Иван Смирнов

ЗАПИСКИ ИВАНА,
ЛЕТУЧЕГО
ГОЛЛАНДЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
С50

Художественное оформление *Александра Воробьева*

Предисловие *Татьяны Альбрехт*

В оформлении книги использованы фотографии с совместной выставки Национального авиационного тематического парка «Авиодром» (Нидерланды) и Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Благодарим за помощь в подготовке книги Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, а также Марата Хайрулина и Михаила Нешкина

Смирнов Иван Васильевич.

С50 Записки Ивана, летучего голландца / Иван Смирнов; перевод Е.Е. Наумовой, предисл. Т.Б. Альбрехт. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 384 с.: ил. (Фронтовой дневник).

ISBN 978-5-17-175069-5

Жизнь — непревзойденный сочинитель невероятных сюжетов. И даже самые лучшие романисты не могут соперничать с ней. В отношении героя этой книги богини судьбы не поскупились на фантазию. Перипетиям в жизни человека с таким простым, даже банальным для русского человека именем позавидовали бы и Джек Лондон, и Дюма, и мэтры приключенческого кино.

Перед вами история простого паренька из провинциального русского города, который стал одним из самых титулованных летчиков XX века и героем четырех государств, пережил несколько войн, множество опасных приключений, был изгнанником, обвиняемым, бездомным, стоял у истоков одной из старейших авиакompаний мира. История так распорядилась, что этого удивительного человека сегодня лучше знают в Европе и за океанами, необычайно чтут в Нидерландах — там его именем названы улицы, существует музей — и почти никто не слышал о нем в России.

Пора исправить эту несправедливость. Тем более сам Иван Смирнов честно и беспристрастно рассказал о себе, ничего не скрывая и не приукрашивая. Сегодня мы имеем возможность читать его мемуары и удивляться такой трудной, яркой, красивой, честной жизни. И пусть большую ее часть он был оторван от Родины и тосковал о ней, но ничто в этой судьбе не заставит нас стыдливо опустить глаза. Напротив, с гордостью и радостью хочется признать в Иване Смирнове соотечественника, который наконец вернулся в любимую Россию. Хотя бы в памяти.

УДК 821.161.1-94

ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-175069-5

© Наумова Е.Е., перевод, 2025

© Альбрехт Т.Б., предисл., 2025

© Издательство АСТ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель, книга, которую вы держите в руках, состоялась благодаря сочетанию множества удивительных факторов и, можно сказать, вопреки обстоятельствам. В этом она очень похожа на своего героя.

Понимаю, вас может смутить название, возможно, вы решите: это всего лишь очередной редакторский ход для привлечения аудитории. Разумеется, всякому редактору важно, чтобы его книга нашла отклик у читателя. Но в данном случае в названии все логично и правдиво.

Герой этой книги — русский парень Иван, который волею судьбы стал не просто жителем, но национальным героем Голландии (заодно героем Великобритании и США) и одним из самых титулованных летчиков XX века.

Почему же его имя неизвестно в России? Тому есть много причин. Для начала политические — в советское время было не принято прославлять эмигрантов, даже «идеологически правильных» и сражавшихся против нацизма. Ну а после распада СССР нас почему-то больше интересовали герои Белого движения (которые на поверку не всегда герои), нежели выдающиеся соотечественники, волею судеб оторванные от Родины.

К тому же нашему герою и повезло, и не повезло с именем. С одной стороны, оно настолько русское, свое, родное, что стало практически нарицательным. Но в этом же и сложность. Как говорит персонаж одного замечательного фильма: «В Германии иметь фамилию Мюллер — все равно что не иметь никакой». Так и в России зваться Иваном Смирновым и рассчитывать на безусловную узнаваемость практически невозможно. Тем более выдающихся Смирновых у нас более чем достаточно.

Но пришла пора вернуть героя на Родину, тем более, несмотря на то, что Иван/Ян/Джон/Жан Смирнофф сейчас более известен за границей, он еще юношей стал полным кавалером Георгиевского креста — самой почетной в России военной награды, одним из наиболее результативных асов Первой мировой войны.

Впрочем, обо всем по порядку.

За последние лет пять в интернете или СМИ вы могли встречать информацию о выдающемся русско-голландском летчике, прославившемся на весь мир удивительными летными рекордами и необыкновенными свершениями. Возможно, даже посещали выставку, посвященную ему, во Владимирско-Суздальском музее-заповеднике, либо слышали о ней, видели сюжеты по телевидению. Однако из этих крох информации сложно собрать целостную картину. Тем более чаще всего вспоминают два эпизода: приключение с «алмазным» «Дугласом» и посадку в песках Гудвина.

А началось все в конце позапрошлого века во Владимирской губернии, где в 1895 году в обычной крестьянской семье родился мальчик, названный Иваном. Подробности его детства нам неизвестны, можем только додумывать. Из дошедших документов следует, что он окончил Родниковское двухклассное народное училище, причем с хорошими результатами. Сам же Смирнов о детстве сообщает лишь одну подробность — свой ранний интерес к технике.

Кто знает, почему неутомная Судьба выбрала именно этого паренька, но сочинить сюжет его жизни она смогла так, что ни один беллетрист или режиссер с ней не сравнится. Необыкновенная история Ивана Васильевича Смирнова началась с побега на фронт в 1914 году, а завершилась в собственном доме на острове Мальорка в 1956-м.

Между этими датами — две войны, эмиграция, мытарства по разным странам, служба в военной и гражданской авиации нескольких государств, выдающийся вклад в создание старейшей в Европе гражданской авиакомпании и вообще установление регламентов и правил гражданских перелетов (много строк в них проверены и написаны потом, кровью и нервами нашего героя), подвиги, многие из которых не смог повторить другой авиатор, приключения, как забавные, так и трагические, судебные разбирательства, признание, почет, любовь прекрасных женщин и тоска о покинутой Родине.

Сегодня Ивана Смирнова знает едва ли не каждый житель Нидерландов, его именем названы улицы, на его домах висят памятные доски, работает его именной музей, для сотрудников компании KLM он непререкаемый авторитет. На карте Австралии вы тоже без труда найдете Smirnoff-beach, да и жители Великобритании вам смогут рассказать о том, как русский асс John Smirnoff совершил немыслимую посадку на отмелях Гудвина, прозванных «пожирателем кораблей». А у нас...

Пора вернуть героя в Россию. Ведь несмотря на любые повороты судьбы, Иван Смирнов пронес через всю жизнь нравственные законы, привитые ему родителями, проверенные фронтовым братством, испытанные мытарствами, неудачами, потерями, выпавшими на его долю, — доброту, благородство, честность, острое чувство несправедливости и зла, готовность жертвовать собой ради других. Именно эти качества помогли ему преодолеть все трудности и прожить жизнь ярко, красиво и достойно, в полном соответствии с кодексом русского офицера.

Наверное, потому, что этот человек не изменял себе и не потерял себя, судьба его хранила — наш герой смог выжить в самых невероятных ситуациях, совершить то, что оказалось не под силу другим, достичь высот, многие из которых до сих пор не покорены.

После столь высокопарных слов редактора вы, вероятно, будете удивлены тем, насколько просто, скромно, буднично, даже иногда скучновато, словно отчет для начальства, Иван Васильевич описывает свою жизнь и приключения. Причина этого — не только скромность и отсутствие у него какого бы то ни было литературного опыта. Дело в том, что наш герой в принципе не собирался писать о себе. Он, влюбленный в небо, в авиацию, в свое дело, с удовольствием фиксировал то, что ему казалось важным для профессии, для своих коллег. А рассказывать об остальном... Зачем?

Однако в Нидерландах он стал легендой при жизни, потому его просто уговорили написать рассказ о себе и своей необыкновенной судьбе.

Так и возникли эти записки русского Ивана, летучего голландца, написанные на голландском и изданные в двух томах в 1949 году. Русский перевод выполнили спустя шестьдесят лет замечательные люди, энтузиасты, изучающие историю русской военной эмиграции. Они же и предложили нашему

издательству эту книгу. Вот такие приключения рукописи, вполне достойные жизненных перипетий ее автора.

Осталось добавить только, что фотографии для книги предоставил Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, за что мы очень благодарны. Это материал с той самой выставки в 2017 года, с которой началось возвращение нашего героя в Россию. А, в свою очередь, часть фото и рисунков получил от нидерландских коллег.

Мемуары печатаются с сокращениями, так как достаточно большую их часть Иван Васильевич посвящает сугубо профессиональным вопросам, размышлениям о прошлом, настоящем и будущем авиации. Безусловно, эти его рассуждения весьма ценны и будут интересны тем, кто увлекается данной темой. Но, полагаем, они более уместны в соответствующей книге. В тексте и так хватает профессиональных примечаний, без которых зачастую трудно понять именно специфику происходящего. За них выражаем благодарность специалисту по истории авиации Марату Хайрулину и Михаилу Нешкину, с которыми консультировался переводчик.

Пожалуй, это все, что стоит сказать вам, уважаемый читатель, прежде чем вы перевернете страницу и углубитесь в авторский текст. Об остальном Иван Смирнов расскажет сам, подробно, честно, беспристрастно, не делая попыток приукрасить события и преувеличить свою роль.

Кстати, именно эта беспристрастная честность, эта истинно мужская манера повествования без попытки заигрывания с читателем во многом и подкупила меня, когда я только приступала к работе над книгой. В мемуарной прозе русской военной эмиграции, да в принципе в мемуарной военной прозе найдется не так уж много авторов, способных так написать о себе, событиях, свидетелем и участником которых он стал, своей роли в них. Так сразу на память приходят лишь несколько имен, например, Николай Гумилев.

Именно поэтому, вопреки отсутствию любых литературных навыков у Ивана Васильевича Смирнова, его воспоминания можно считать отличным примером мемуарной прозы.

Приятного вам полета по яркой жизни удивительного человека!

*С уважением,
Татьяна Альбрехт*

*Эту книгу я посвящаю моей жене Марго,
которая так много лет делила со мной
и мои радостные дни, и дни разочарований.
В начале лета 1947 года ее не стало.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Несколько лет назад закончилась война, и я, как обычно, выполнял рейс по маршруту Лондон — Амстердам, который был мне знаком так же хорошо, как географическая карта России в годы моего отрочества во Владимире.

Оставив позади Дувр и привычно направляя машину к бельгийскому берегу, я услышал шаги пассажира. С сильным немецким акцентом он спросил, не узнаю ли я его.

— Я тоже летчик, — сказал он. — И сейчас мы встречаемся не впервые.

— Простите, но я не могу вас вспомнить, — ответил я.

И тут внезапно меня осенило. Мировая война!

— Вы были немецким военным летчиком? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он. — И в середине 1915 года я попал в Лалитице на русский фронт.

В то время мой отряд располагался там же. И тут я вспомнил, где видел этого немца. Под градом пулеметного огня он падал подстреленной птицей вниз, где был захвачен в плен.

Немец протянул мне руку, и я поспешил обменяться с ним крепким рукопожатием. Вскоре мы уже зашли на посадку на аэродроме Схипхол.

— Вот и опять я спустил вас на землю, — шуточно сказал я несколько смущенно, обращаясь к пассажиру. — Но теперь вы — мой гость.

С этого дня мы стали добрыми друзьями.

В небе случается множество странных вещей. Я ветеран гражданской и военной авиации и за двадцать пять лет полетов пережил немало интересных приключений.

*Иван Смирнов,
Хемстедде, январь—июль 1938 г.*

Часть 1

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
РОЖДЕНИЕ МЕЧТЫ
ОБ АВИАЦИИ**

Глава 1

ПОБЕГ НА ФРОНТ

Когда я родился во Владимире холодным январским утром 1895 года, авиация была лишь фантастикой, знакомой по произведениям Жюль Верна. Я был одним из средних сыновей в многодетной семье, и мои родители часто жаловались, что не успевают за всеми нами. Особенно доставалось мне, ведь я имел привычку вытворять то, что, как они считали, делать было нельзя. При этом мои успехи в школе были не очень значительными.

С ранних лет меня увлекали машины, и я часто проводил время в гараже, разбирая сельскохозяйственную технику. Но самым счастливым временем для меня было время сбора урожая, когда в поле выезжали молотилки и косилки. Я мог часами наблюдать за ними, размышляя о том, как их можно усовершенствовать. Отец поощрял мой интерес и отдал меня в среднюю техническую школу. Затем я должен был поступить в университет, но все планы рухнули, когда началась Первая мировая война, и я сбежал из дома на фронт.

Причин для такого поступка было несколько, включая мою первую любовь, которая закончилась крахом. Окончательное решение созрело у меня в тюремной камере, куда меня посадили вместе с дву-

мя товарищами за нарушение общественного порядка и громкое пение в ночное время.

По всей стране прокатилась волна патриотизма. Служба Отечеству, по моему мнению, должна была принести нам неувядающую славу. Мужчины и юноши, сильные и слабые, все устремились на призывной пункт. Я немного боялся, что по результатам медосмотра меня могут забраковать, хотя был здоров и спортивен. Но нас с товарищами признали годными.

Первый вечер в казарме оказался единственным приятным моментом за все время моей службы в царской армии. Если бы разговорами можно было выиграть войну, она продлилась бы не более недели. Довольные, но измотанные, мы, сотня новобранцев, уснули в зале, предназначенном для размещения не более двадцати восьми человек. Каждый из нас был готов принести любые жертвы ради славы нашего Отечества.

В этот день нам выдали обмундирование — одежду, белье, ремни и сапоги. Это был один из счастливейших моментов в моей жизни! В плохо подогнанных гимнастерках мы совершенно не производили грозного, воинственного впечатления. Старый унтер-офицер ходил перед нами по плацу, и его громовой голос вызывал чувство ужаса у смущенных новобранцев. Он смотрел на нас свысока, считая детьми, которые пока не имеют права называться солдатами. Шагая вдоль строя, унтер преимущественно работал своими бровями. В какое-то мгновение наш ругающийся и шипящий командир вырос прямо передо мной, и я затрясся от страха.

— Ваша мать знает, что вы здесь?

— Нет, — выдавил я.

Над строем пронесся смех. Я получил двое суток ареста. После этого случая я понял, что в армии лучше держать рот на замке.

Через неделю ругани и воплей, а также грубого солдатского юмора старый унтер куда-то исчез. Но легче

нам не стало. Наш новый командир хоть и был моложе, но обладал такой же манерой кричать и ругаться.

Через две недели муштры, после долгих часов упражнений с ружьем и штыком, настал день отправки на фронт. Однако наша рота все еще не походила на отборных, бодрых бойцов.

В поезде мы долго ехали по бесконечным железнодорожным путям старой России, не зная, что ждет нас впереди. Целую неделю мы провели в эшелоне, состоявшем из восьми вагонов для скота, открывавшихся с двух сторон. На каждом вагоне висела белая доска: 12 лошадей или 40 человек. Зимой двери оставались наглухо закрытыми, и приходилось выбирать — замерзнуть или задохнуться. В каждом вагоне находилось по 60 солдат, напиханных как селедки в бочке. Возможности сходить в туалет не было. В крайнем случае можно было свеситься из приоткрытой двери, удерживаясь за нее локтями и испытывая дискомфорт от пронизывающего ветра, дождя или снега. Можно было выпрыгнуть из вагона, благо поезд шел со скоростью 10 км/час, но потом очень трудно было в него забираться. Многим приходилось брести долгие километры пешком, прежде чем они догоняли свои составы, остановившиеся где-нибудь на запасных путях.

Наконец мы прибыли в Варшаву. Даже офицеры не имели представления о конечной точке нашего путешествия. В воздухе витали самые дикие предположения. Наша цель — Берлин? Австрия хочет заключить мир? Немцы во Франции понесли тяжелое поражение? Возможно, мы станем частью того русского парового механизма, который медленно, но непобедимо прорывается на Запад и давит все в Германии своей мощью?

Вскоре длинными маршевыми колоннами наш полк двинулся на запад. Полные ожиданий, мы вслушивались в тишину, желая уловить вдали грохот пу-